

Денис Коваленко

Бородинское сражение

Денис Леонидович Коваленко

Бородинское сражение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70276627

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ этот о семилетнем мальчике по прозвищу Лисёнок (так его прозвали солдаты), волею случая, оказавшегося на передовой Бородинской битвы. Как он туда попал? В самое пекло! Что он там увидел? Кого встретил? Багратиона? Раевского? А может и самого Кутузова? Увидеть Бородинское сражение глазами ребенка, хоть не на много, но представить себе, что мог чувствовать ребенок, оказавшийся на войне. И что почувствовали другие: простые русские солдаты, офицеры – кто вдруг увидел это – ребенка в самом центре сражения. Прочтите рассказ и почувствуйте сами.

Содержание

Денис Коваленко

Бородинское сражение

24-го было сражение
при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено
ни одного выстрела ни с той, ни с другой
стороны, 26-го произошло Бородинское сражение¹.
Л.Н. Толстой. «Война и Мир»

Глава первая
24 августа
Шевардинский редут

¹ Даты указаны по старому стилю.

Дениска и сам не понимал, чего он всё еще лежит под этой лавкой. Ладно бы под столом, но лавка – она такая низкая... Да и становилось все жарче. Огонь уже пролизывался между бревен. Не везде – под лавкой как раз не было так жарко. Но вот проем, где на одной петле висела дверь – огня там было много. А за проемом и вовсе такой густой дым, света белого не видно.

– И чего я от мамки убёг! – зажмурившись, Дениска выкатился из-под лавки и выскочил на улицу – в самый дым.

– Ура-а! – пронеслось мимо Дениски; чуть сапогом не наступили ему на руку, когда он, спотыкнувшись, уперся ладонками о землю.

– Малец! Ты откуда?! – Зеленый мундир подхватил Де-

нису как щенка под мышку, и понес быстро.

Вцепившись в этот грязный зеленый мундир, у Дениски других мыслей не было – только бы не свалиться.

Дым, грохот, вопли, крики – всё это смешалось в один скрипучий вой в его маленьких ушах. Вдруг его оторвали от мундира и потрянули в воздухе.

– Ты кто, Лисёнок?! – Дениска, рыжий, худой, востроморденький, и, правда, похож был сейчас на облезлого лисенка. Его поставили на заваленный лафет. Вокруг зеленые мундиры; над мундирами лица: чумазые, усатые, бритые, веселые, словом – перед Дениской стояли наши настоящие русские солдаты.

– Братцы! – как заорёт Дениска, как бросится на ближайшую шею.

Тут уж кто смех не сдержал, а кто и слезы. А как сдержишься, когда посреди этого уже многочасового ада, на шею бросается свой родной пацаненок лет семи и орет: «Братцы!».

– Времени, Лисёнок, у нас мало, вишь, отступаем мы, так что всё нам рассказывай, и мы тебя к самому Кутузову отправим, как самый ценный бриллиант нашей славной 27-й пехотной дивизии! Ты откуда здесь взялся?! В самом-то пекле?! Тут же война! Всех еще третьего дня из Шевардино вывели! А ты?

– А может он шпион? И сразу и смех и слезы.

– Я не шпион! – Дениска спрыгнул на землю. Кулаком физиономию свою грязную вытер. – Я от мамки в сарае прятался, она меня выпороть хотела, за то, что я сметану сожрал. А тут как загрохотало. Я из сарая, в дом, а там ни мамки, никого! Я и под лавку.

– Герой! – смех во все глотки.

– Хорош ржать, кони! – грозный приказ офицера. – Приказано отступать к Семёновским флешам. А ты прыгай в обоз! – грозный приказ и такой взгляд, что Дениска чуть ли не с места запрыгнул в телегу, где лежали человек пять раненых пехотинцев.

Было это на вечерней заре 24-го августа 1812 года, когда русские войска, по приказу, оставив французам Шевардин-

ский редут, отступали к основным силам. А завтра должно было произойти самое страшное, самое кровавое за всю историю однодневных битв Бородинское сражение.

Когда Дениска еще только обдумывал свое грандиозное, по всем стратегическим канонам, похищение сметаны, а его мамка и бабуля со слезами и причитаниями собирали свои пожитки, прощались со своим домом, как, впрочем, и все шевардинские бабы (потому как мужики давно были мобилизованы) – в это время 150-тысячная всеевропейская армия, под предводительством французского императора Наполеона двигалась от разоренного Смоленска к Москве. Русская армия, отступавшая от Смоленска, 22 августа остановилась у деревни Бородино, чтобы здесь на Бородинском поле дать, наконец, французам генеральное сражение. До Москвы оставалось каких-нибудь 130 верст². И не только император Александр, но и последний солдат понимал, что дальше отступать было некуда.

Бородинское поле мало чем отличалось от всех пройденных отступавшей русской армией полей. Никаких особо-выгодных позиций для обороны на этом поле не было. Никаких особенных укреплений так же возводить не стали (да и время не позволяло). Было просто поле, каких сотни от Смоленска до Москвы. Обыкновенное ровное поле с десятком небольших деревень, где жили и трудились русские люди. Была речка, лес, овраги и холмы. И почему на этом обык-

² Верста – 1066,8 метра.

новенном поле произошло сражение, решившее судьбу всей Европы, ответить может один лишь Господь Бог.

Само сражение, да что уж сражение! Сам ход всего этого всеевропейского похода на Россию, на пальцах показывал: русские отступают – и с этим никто не спорил, включая самих русских; русские отказываются от генерального сражения, потому как армия Наполеона больше и сильнее – и сами русские не отрицали этого. Русские дают бой у Бородино, потому как отступить им дальше некуда – и с этим все соглашались. Русские проиграли это сражение – потому как Наполеон вошел в Москву и сжег Москву. Так почему, видя все эти очевидные и ребенку факты, французы не только проиграли эту компанию, но изменилась сама карта Европы! Россия на полвека превратилась в самое могущественное государство мира, а Франция, подобно своей предшественнице Швеции³, на все последующие века из великой империи опустилась до законодательницы мод на духи и женское платье. Почему заняв Москву, где было припасов на полгода, где можно было перезимовать, и продолжить компанию, за два месяца дисциплинированная французская армия, превратилась в банду мародеров, и оставила разграбленную и сожженную Москву не как оставляет ее армия победителя, а бежала как вор. Ответ напрашивался сам собою – на то была воля Господня. Потому как человеческая логика отказывалась понимать все эти непроизвольные и бессмысленные

³ После сражения на Полтавском поле между армиями Петра I и Карла XII.

действия всеми признанного гения войны, Наполеона.

Великая армия Наполеона приближалась к Бородинскому полю тремя колоннами. Главные силы – три кавалерийских корпуса маршала Мюрата, пехотные корпуса маршалов Даву, Нея, генерала Жюно и сама старая наполеоновская гвардия – продвигались по Новой Смоленской дороге. Севернее – пехотный корпус вице-короля Италии и кавалерийский корпус генерала Грушю. По старой же Смоленской дороге – к Шевардино шли 35 тысяч поляков генерала Понятовского. Авангард поляков и наткнулся, на рассвете, на русский арьергард корпуса Горчакова у Шевардино.

Первые в колонне поляки, что шли по дороге, буквально напоролись на отходивших к Шевардинскому редуту русских гренадеров, что продвигались сквозь молодой березняк. Наверное, с полминуты поляки и русские, замерев, смотрели друг на друга, как на какое-то чудо расчудесное; и разделяли врагов-то всего-то три-четыре шага – настолько было еще темно в это утро 24-го августа.

– Эт ж... французы... – голос в предрассветной тишине прозвучал так резко, что были и те, у кого в ушах звякнуло от этого неожиданного возгласа. – Ей Богу, французы! Бей их, братцы! – воскликнувший это гренадер, перехватив свое ружье за ствол, прикладом, как дубиной огрел по голове ближайшего поляка...

Так начался бой за Шевардинский редут.

Без построений, без линий, без каких-либо команд, шед-

шие в походном строю поляки вдавились в русскую колонну. Было, что и рукí для замаха не поднять, солдаты хватали друг друга за горла, плечи, волосы и чаще дело решали кулаки и пальцы, чем штыки и пули. Такая свалка продлилась не менее получаса, пока солдат не разбросало по березняку и вдоль дороги. И только когда удалось и тем и другим хоть как-то рассредоточиться, стали слышны команды офицеров, а следом и выстрелы.

Несколько часов 11-тысячный аррьергард князя Горчакова, до самых земляных стен Шевардинского редута, отбивался от 35-тысячного корпуса Понятовского. Буквально по телам, штыками и саблями поляки гнали русский аррьергард. И если бы не...

– Из всех стволов! Пли! – прозвучала команда со стен редута. Только когда на польские головы полетели бомбы и ядра, поляки отступили, а русский аррьергард зашел за стены земляной крепости.

Как только вестовой донес Наполеону, что у деревни Шевардино вот уже как полдня идет бой, император Франции бросил на редут три дивизии маршала Даву.

Всё это сражение более походило на безумие. Редут брался французами, французы слали вестовых, что редут взят, тем временем русские отбивали редут. Кони, люди – всё смешалось. Конные лавины врезались друг в друга, гранаты и ядра чуть ли не сталкивались в воздухе. Гренадеры, егеря, гвардейцы – французы, поляки, итальянцы, русские – взби-

рались на стены и скатывались со стен. Редут, как заколдованная Чудо-гора, принимал и отбрасывал солдат, руководствуясь какой-то своей нечеловеческой чудо-волей. Точно Кто-то невидимой поварёшкой в этом Шевардинском котле перемешивал этот кровавый бульон из тысяч, облаченных в разноцветные мундиры мужчин, от безусых юнцов до длинноусых стариков. И возле редута, и в сотнях метрах от редута и в ближайших деревнях – в том же Шевардино – кружились, сталкивались, бросались друг на друга и отваливались, и лежали изувеченные этим безумием тысячи и тысячи людей.

А в сарае, в обнимку с опустевшей крынкой, когда-то полной этой проклятушей сметаны, сидел маленький рыжеволосый мальчонка. Сидел и клял себя, что мамку не слушал, что в сарае спрятался. Сидел и Боженьку молил, чтобы он простил его, и что он больше не будет, и сметану в рот не возьмет ни одной ложки! Просил и не понимал, почему за сараем так громко б́ухает, и гремит, и кричат страшно голоса – точно грешники на Страшном Суде.

Дениска даже боялся к стене повернуться и в щель заглянуть, до того всё то, что творилось за сараем, казалось ему ужасным.

– Ха... – выдох чей-то, что-то ткнулось в стену, и штык пробил доску, и мимо Денискиного уха – треск! – и обратно, точно и не было. Дениска отпрыгнул от стены.

– Ура-а! – пронеслось за стеной.

– Куда! А вот на тебе!

– Паныч-паныч не убивый меня! паны... ч-ч-ч, – и страшный выдох.

– Братцы... нога... Господи помилуй! Как же без ноги-то.

– Новая отрастет!

– Поднажми! Братушки! Ура-а!!!

Дениска со всей силы сдвинул ладошками уши. Тише не стало. Всё тоже, но глуше, и оттого еще страшнее. Удивительно, но ядра и гранаты летая над сараем и мимо сарая, в сарай не падали, точно Чья-то невидимая рука оберегала этот покосившийся, окруженный огнем и смертью, сарай, в котором прятался маленький испуганный до икоты мальчик.

Как начало темнеть, Дениска, сильно-сильно зажмурившись, перебежал из сарая в дом, споткнувшись о кого-то, стукнувшись обо что-то, он забился под лавку. И сидел там, пока в дом ни влетела граната, и огонь жарко ни стал выливать бревна.

До самой темноты, до приказа Кутузова об отступление, Шевардинский редут, всего лишь левый край русской оборонительной линии, недостроенный, не представляющий никакой стратегической важности – просто редут на краю мира – стал центром первого дня сражения – Бородинской битвы. Центром притяжения десятков тысяч людей, которые от рассвета до самой темноты убивали друг друга. Четыре раза редут переходил из рук в руки. И когда русские отступили, и французы, наконец-то заняли разрушенный до основа-

ния редут, на редуте и в сотнях метрах от него, французы не смогли найти ни одного живого русского. Ни одного мало-мальски последнего пехотинца не смогли привести к Наполеону и показать, как пленного русского солдата. Ни одного пленного. 11 тысяч разноплеменных тел – 6 тысяч русских и 5 тысяч поляков и французов. И ни одного живого. Эти тысячи мертвых солдат пролежали ночь, и следующий день, и последующий день, и еще 62 дня Шевардино было покрыто телами окоченевших искореженных прогнивших трупов.

Русские не смогли забрать всех своих убитых, а французы расчистили лишь часть Шевардинского кургана, где был редут, где на утро после боя Наполеон устроил свой наблюдательный пункт. Там, где тела павших не могли оскорбить взора императора, их и не тронули, тем более что тела эти были русских и каких-то поляков (своих соплеменников французы, конечно же, предали земле; сами же поляки вместе с Понятовским, были сразу переброшены к деревне Утицы и не могли должным образом похоронить своих товарищей, оставив это на совести французов). Лишь когда французы ушли из Москвы, на Шевардинском редуте появились живые люди, и только тогда стали хоронить мертвых – всех вместе, без разбора – потому как за два месяца было просто невозможно оторвать вцепившиеся и вросшие друг в друга тела.

Глава вторая

25 августа

Армии готовятся к сражению

– Ну, что, Лисёнок, выспался? – солдат, что шел рядом с телегой, где вместе с ранеными спал сладко Дениска, увидел, как мальчик потянулся, еще глаз не раскрыв, и улыбался со сна. – Горазд ты спать, солнце к полудню идет! – умилился солдат. – Эх, как же ты на моего младшенького похож. Дай хоть обниму тебя, – невольно по-отцовски, солдат обнял еще потягивавшегося со сна Дениску и поцеловал того в щеку.

– Папка, я больше не буду сметану воровать, – отвечал сонно Дениска, – и пусть мамка меня выпорет, больше не буду. Ой! – увидев, что это не папка, что вокруг солдаты, а он сам не в своей избе, а в телеге, Дениска отпрянул, и в сонном ужасе вытаращился на рыжего хохочущего гренадера.

– Иди сюда, – рыжий гренадер без церемоний принял Дениску на руки, поставил на землю. – Вон, – конопатой рукой указал на группу солдат, что сидели у костра, а на костре что-то варилось. – Дуй туда и каши похлебай. А сметаны, извини, нема́, – и ладонью подтолкнув еще ошалелого мальчонку, гренадер, сдерживая отцовские слезы, смотрел, как тот, с опаской, медленно, будто босиком идет по скошенной колючей траве, оглядываясь по сторонам, зашагал к костру по утопанному солдатскими сапогами полю.

А посмотреть было на что, и не только семилетнему мальчишке, кто дальше свой деревни и не бегал. Дениска, конеч-

но, и знать не мог, что привезли его на первую линию, на Семёновские флешы, где командовал князь Багратион, и которые вскоре прославят имя грузинского князя и войдут в историю битвы, как Багратионовские флешы. Три треугольных крепости, острыми концами смотревшие на французские линии. Дениска страшно удивился, когда увидел французов. Их было видно невооруженным глазом, их ряды стояли через неглубокий ров, в какой-нибудь версте, как раз на руинах деревни Шевардино. Сначала, конечно испугавшись, Дениска подумывал дать деру, и забраться под какую-нибудь телегу. Но, во-первых, ярко светило солнце, и ни тучки на небе. Во-вторых, все русские солдаты, которых Дениска видел, и которых были тысячи и тысячи, совершенно на французов внимания не обращали и вообще их не боялись, а, значит, и под телегу лезть пока явно было рано, а в-третьих, чем ближе он подходил к костру, тем вкуснее пахло кашей. Точно и не было вчерашнего страшного дня, а какой-то сон...

Про Лисёнка (а так прозвали солдаты Дениску) скоро слышали все, кто оборонял флешы, и потому, когда Дениска проснулся, и был замечен, сотни, тысячи любопытных мужицких глаз разглядывали это чудо – маленького мальчика на первой линии. И какие только мысли не лезли в мужицкие головы, и первая – порадовать чем-нибудь мальчонку.

– Эй, Лисёнок! Лови! – Дениска ловко поймал деревянную свистульку. И тут же смех. – А ловок наш Лисёнок!

– А ну, отставить! – грозный приказ от костра с кашей. –

Пожрать дайте парню. Сами пузы себе набили, а ему что с пустым брюхом французов бить?! – и снова смех. – Беги быстрей! – звали гренадеры, и уже к Дениске тянулась рука с миской полной каши.

– А пожрешь, дуй к нам, Лисёнок! – кричали от флешей. – Мы тебе гранату подарим! – и уже на флешах смеялись артиллеристы, готовившие свои пушки к грядущему бою.

Наевшись каши с салом, Дениска как настоящий мальчишка побежал к артиллеристам: всё-таки гранату пообещали! Но тут же был перехвачен каким-то веселым парнем. Тот подхватил Дениску и посадил в тачку с песком.

– Поехали! – и бегом повез Лисёнка к своим флешам, которые, сотни таких же веселых солдат, укрепляли песком и землей. – Мы тебе и гранату, и ядро подарим!

И где бы ни появлялся Дениска ему все или чего-нибудь дарили (кто пулю, кто яблоко) или обещали – даже на пушке посидеть соблазняли, и даже стрельнуть по французам, пока командир не видит.

– Это что за балаган?! – Дениску как раз посадили на пушку, когда у стены флеша остановился конь, а на коне высокий горбоносый генерал с эполетами и бакенбардами. – Я повторяю! Что за балаган? – удивительно, но единственный человек на Семёновских флешах, кто не знал про Лисёнка, был сам Багратион.

Пришлось по всей форме, встав во фронт⁴ объяснять ге-

нералу, что это за «балаган» и откуда на первой линии, в версте от неприятеля появился семилетний мальчонка, с целым узелком подарков, и верхом на пушке.

– Ясно, – отвечал князь. Молча подозвав своего адъютанта, Багратион приказал: Лисёнка со всеми подарками сию же минуту лично отвезти в тыл. Может и мать там его найдется, а может и отец (потому как все мужики из близлежащих деревень вместе с солдатами возводили редуты и укрепления по всему полю). Но перед этим заехать к Раевскому и выяснить, как на его батареях идет подготовка к сражению.

Отдав честь, посадив Дениску со всеми его богатствами перед собой на коня, адъютант легкой рысью отправился выполнять приказание генерала.

Отправить мальчонку в тыл с передовой линии – это понятно, но зачем командующему Семёновскими флешами узнавать, как строится оборона у его соседа – неужели из праздного любопытства?

Еще 22 августа, когда русская армия занимала Бородино и выстраивала линию обороны, всё всем было ясно: оборона строится в косую линию через все поле, на левом фланге у Шевардино – редут. Выше – флеша Багратиона, затем батареи Раевского и так далее – всё по утвержденному плану.

Но вчерашнее Шевардинское побоище смешало планы не одному Кутузову. И Наполеон, отдавал приказы о перестройке пеших и конных линий для атаки. Шевардинский редут,

как по волшебству, из левого фланга превратился в передовую. И сейчас, 25-го числа, обе армии перестраивали свои линии, точно переводили минутную стрелку – с без двадцати минут на четверть часа назад. В течение целого дня перестраивали свои редуты русские и перегруппировывали свои линии французы. Потому за весь день и не было сделано ни одного выстрела. Шутка ли – повернуть многотысячные, еще вчера готовые к бою, армии на 30 градусов, да не на бумаге, а на многокилометровом поле, с оврагами, речками и лесками!

В первой русской линии обороны за флешами, редутами и батареями стояла пехота. И теперь левым флангом стали редуты Утицкого кургана, что за деревней Утица, что у Старой Смоленской дороги. Ниже, за дорогой выстраивались казаки Карпова. За Утицким курганом – московское ополчение и корпус Тучкова. Выше, у деревни Семёновское – Багратион, еще выше – вдоль семёновского оврага на Курганной высоте – Раевский со своими пушками. Еще выше, за речкой Колочь – сама деревня Бородино. За первой линией пехоты выстраивалась кавалерия. И за ней встал резерв. Именно так проходил весь день 25-го августа: с одной стороны поля Кутузов, с другой, Наполеон – как игроки, которым ветер повалил шахматные фигуры – и они спешно пытались восстановить их. И всё это на виду друг у друга и без единого выстрела ни с той, ни с другой стороны.

Дениска впервые сидел на боевом коне. Что на боевом!

он и на лошадь-то никогда не садился, папка не разрешал! А тут! – он сидит с самим адъютантом генерала, сидит на коне и... скачет! Вот это был восторг! Поле неспешно проносилось мимо (адъютант побаивался, что мальчонка может свалиться, потому и не гнал своего коня, а двигался все той же легкой рысцой). В оврагах, в лесках, за насыпями – всё были русские солдаты, все скоро и бойко готовили поле к сражению.

Позади, остались Семёновские флешы, впереди завиднелась Курганная высота, самое высоко место на поле, на ней – Дениска острыми своими глазами видел, как множество людей, суетились и копошились – «Точно муравьи на муравейнике», – сразу представил Дениска. Чем ближе приближались к «муравейнику», тем понятнее становилось для него – чего там все копошатся. Солдаты сооружали крепость. Кто тачки с землей возил – туда-сюда, кто корзины плел, кто землю в корзины сыпал, кто эти корзины устанавливал, кто рвы возле корзин рыл – крепость становилась всё выше, ров всё глубже. И чем ближе подъезжал Дениска к Кургану, тем больше росло его восхищение. Это ж надо! Такая огромная! А на стены крепости и пушки уже затаскивали, и устанавливали. А под крепостью, на поле, по которому должны были завтра бежать и скакать французы и штурмовать крепость, солдаты ямы какие-то рыли, а которые уже вырыты были, палками накрывали, и ветками с травой маскировали. Такие ямы Дениска видел, когда с папкой и дедулей в лес на вол-

ка ходил, когда мамке и бабуле шубы на зиму нужны были. «Это ж волчьи ямы!» – сообразил Дениска.

– Это мы французов как волков ловить будем? – оглянувшись Дениска на адъютанта. Тот, усмехнувшись, кивнул. – И шубы из них делать будем?! – даже и не поймешь, в шутку это сказал мальчишка или всерьез, но адъютанта это страшно развеселило, он аж голову запрокинул от внезапного своего смеха.

– Еще какие шубы! – отвечал сквозь смех, – с парижским шармом!

– С чем? – не понял Дениска.

– А ты и правда, смысленый малец! Держись крепче! – адъютант заметил у подножия кургана, в окружение офицеров, генерала Раевского. И решил с шиком подъехать и остановить коня у ног генерала, – адъютант был молод, красив и не мог не покрасоваться перед генералом (а более перед его офицерами), своим конем, за которого отец его целую деревню отдал в сто пятьдесят душ.

Лихо подъехав, эффектно спрыгнув, вытянувшись во фронт так, что, казалось, в воздухе он воспарил, адъютант князя Багратиона отдал честь генералу Раевскому и по всей форме доложил тому о состоянии дел на Семёновских флешах.

– Передайте князю Петру Ивановичу, – отвечал Раевский, больше глядя, на своих солдат, что возводили на кургане крепость, чем на адъютанта (генералу явно было не до cere-

моний и уж точно не до красавца-коня и его прекрасного хозяина), что к ночи мы хлебосольно встретим Наполеона. И так его накормим картечью, что ему до Парижа хватит, – вот так и передай: что встретим и накормим по всем обычаям. А кто это с тобой? – Раевский вдруг заметил Дениску, который всё сидел на коне, одной рукой за гриву держался, а другой узелок с подарками к груди прижимал.

– Лисёнок наш! – отвечал адъютант, – князь Петр Иванович приказал его в тыл отправить. От самого Шевардино с нашей дивизией.

– Да, – совсем не весело отвечал Раевский, разглядывая Дениску, – сколько таких лисёнков теперь по России нашей ходит-бродит. Вот за тебя, Лисёнок, – Раевский подошел и потрепал Дениску по колену, – и за таких как ты, мы завтра французов накормим картечью до отвала. Пленных не брать! – резко обернулся он к своим офицерам. – Ни одного пленного чтоб я не видел! Всем это ясно? – и все его офицеры подобно багратионовскому адъютанту воспарили, вытянувшись во фронт перед своим грозным генералом.

– С Богом, – неожиданно трогательно Раевский перекрестил Дениску. – Смотри, – глянул на адъютанта, – скачи мягко, не урони Лисёнка.

Адъютант без лишних слов вскочил на коня и, как и было приказано, мягкой рысью направил коня от Курганной высоты к деревне Татариново – в тыл, где находилась ставка самого светлейшего князя, генерал-фельдмаршала Михаила

Илларионовича Кутузова.

Каким же было огромным это Бородинское поле! Дениска и представить себе не мог! Но больше всего его восхищало не само поле, а кем оно было заполнено. То, что Дениска увидел, когда проснулся среди солдат Багратиона, и потом – на батарее Раевского – все эти крепости с пушками и солдатами, строящими и укрепляющими свои редуты, всё это померкло, перед ровными рядами кавалерии. Вот она красота! Вот она армия! Вот от чего у Дениски аж в груди от восторга защемило!

Кирасиры в слепящих на солнце глазах кирасах! в изогнутых блестящих шлемах украшенных разноцветными хвостами! И у каждого в руке тяжелый палаш. Они, как на картинках, прочно сидели в седлах и даже внимания на ехавшего на коне Дениску не обратили.

Драгуны в высоких красивых хвостатых шапках – веселые, один даже проскакал мимо Дениски, и что-то веселое крикнул, но Дениска не расслышал.

Уланы с поднятыми прислоненными к плечам пиками.

Гусары со свисавшими с плеч ментиками, и в смешных как ведро картузах, с торчавшими вверх перьями.

Меньше всего Дениску впечатлили казаки – точно мужиков на лошадей посадили – никакого кирасирского или гусарского блеска.

И всех их было так много, точно со всей России их собрали на это поле и построили в линии.

О какой сметане и мамке тут вспоминать! Обо всем забыл Дениска, до того его сердце радовалось этому разноцветному и сияющему великолепию русской конницы!

Но вот и конница осталась позади, и адъютантский конь, перейдя на шаг, вошел в деревню Татариново.

Дениска как из сказки домой вернулся: избы вдоль улицы, да заборы, а над заборами яблоневые деревья с яблоками, и под заборами яблоки – много в этом году яблок народилось. И бабы с ведрами, да и без ведер – ходили туда-сюда или у калиток стояли, как они ходили и стояли и в Денискиной деревне, и семечки даже лускали – скукота. Дениска аж вздохнул от накатившей грусти. Вот бы обратно – туда, где кирасиры! Или хоть на флешу, где пушки.

Адъютант остановился возле какой-то избы, привычно лихо спрыгнул со своего красавца-коня, и, наказав Дениске сидеть смирно, точёным шагом подошел к какому-то грузному старику, что сидел на лавочке, приткнувшись спиной к стене, и рассеяно грыз и жевал яблоко.

Этим стариком оказался сам главнокомандующий, светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов. Возле светлейшего несколько штабных офицеров; стояли, негромко переговаривались. Время шло к вечеру; адъютант от Багратиона был далеко не первым: в течение всего дня от Татариново к полю и обратно прискакивали, прибегали, приходили ве-

стовые от всех корпусов и докладывали, сообщали или просили.

– Садись, голубчик, в ногах правды нет, – по-простому прервал Кутузов бравую речь адъютанта. Тот, повинувшись, сел, но совсем на краешек и совсем неудобно и неловко, что уж удобнее было стоять. – А это что за сорванец на твоём красавце скакуне?

– Лисёнок, светлейший князь! – польщенный, что главнокомандующий заметил его коня, отвечал адъютант. – Мальчонка, что был спасен нашими гренадерами под Шевардино, и по приказу князя Петра Ивановича Багратиона, везу его в тыл.

– Лисёнок? – улыбнулся Кутузов, внимательнее уже разглядывая Дениску, – И правда, похож, рыжий вон какой и мордочка какая-то лисья. А ты, Лисёнок, знаешь, что и меня французы зовут Старый лис Севера? – Кутузов, побрякивая по-старчески, засмеялся. – Выходит мы с тобой одной породы. А давай-ка слезь с коня и посиди со стариком, погрызи яблочко.

Дениска ловко спустился на землю, бесстрашно прошел мимо офицеров к главнокомандующему и, встав перед ним, прямо спросил:

– Правда, Старым лисом зовут?

– Правдее не бывает, – отвечал, все так же посмеиваясь, Кутузов, и протянул Дениске яблоко, каких с десяток лежало на лавочке. Дениска взял яблоко и стал грызть.

Выслушав отчет о положении дел на передовой линии, светлейший благословил адъютанта:

– Скажи, голубчик, обратно к князю Петру Ивановичу, и скажи, что француз на рассвете атакует. Пушек у Наполеона много, стрелять будет плотно. Так что пусть будет готов. Как и всем нам быть готовыми, спаси Господи, – светлейший перекрестился. – Жаркое утро предвидится, а день еще жарче. Побьем мы француза, что думаешь? – Кутузов с прищуром глядел на Дениску. Адъютант, уже вскочил на своего скакуна, и только след его простыл.

– А то! – жуя, отвечал Дениска, – побьем обязательно. Мне артиллеристы гранату обещали подарить.

– Ну, раз обещали, – Кутузов согласно развел руками. Офицеры усмехнулись. – Нюрка! – позвал. Из калитки вышла средних лет полноватая баба, явно хозяйка избы, – отведи этого Лисёнка к бабам, пусть его накормят и везут с остальными в Москву, может он там и своих найдет. Обоз-то давно готов?

– Давно, Михаил Илларионович. Первые телеги еще до полудня укатили, последние вот сейчас тронутся. Село, считай, пустое. Пошли, – баба только хотела взять Дениску за руку, как тот, поняв, что никакой гранаты ему не видать, а отведут его к бабам, а те, может, еще его и выпорют, когда

узнают, что он от мамки спрятался, вывернулся ловко, и, не теряя котомки с подарками, дал деру. «Ага, щас, – удирая обратно по дороге к полю думал Дениска, – к бабам. А без меня там француза побьют».

– Вот сорванец, – Кутузов аж головой качнул. – Беги теперь, лови его, пока он до Багратиона быстрее его адъютанта не добежал, – и баба, под офицерский хохот, побежала за Дениской. – Ну что господа офицеры, – Кутузов, забыв про Дениску и оставив его судьбу на Нюркины не шибко быстрые ноги, поднялся с лавочки, – поехали в Горки. Заря уже начинается. До темноты надо бы добраться, – еще днем было решено на время битвы быть в Горках, поближе к месту завтрашнего сражения.

Глава третья

Бородинское сражение

Сражение началось в половине шестого утра, когда французские пушки как по часам одним залпом из нескольких сотен орудий ударили по передовой линии русской обороны. Как и говорил Кутузов, пушек у Наполеона было много, и ядра легли «плотно». За залпом последовал еще залп, и еще, и еще... И когда поле покрылось непроглядным пушечным дымом, тогда на русские флешы, в этом дыму, ровными линиями пошли две дивизии – Дессе и Компана. На деревню же Бородино, сквозь дым, зашагали полки Итальянского ви-

це-короля.

Ни то, что Кутузову из Горок, Наполеону с Шевардинского кургана, было лишь видно, как его дивизии входили в дым, спускаясь в овраг, как в море. Что происходило в этом «море» – видно уже не было, как ни пытался взглядеться император Франции, он видел лишь один сплошной дым.

Впрочем, что происходило в этом дыму, можно было и догадаться – двадцать пять тысяч солдат, вот уже несколько часов – линия за линией, как волна за волной – пытались подняться на склон оврага, и штурмом взять Семёновские флеши. Взятые были флеши или не взяты – ничего из-за дыма разглядеть было решительно невозможно, как французский император и его генералы не протирали глазами свои подзорные трубы – ничего понять не могли.

– Картечью! – только и слышали команду багратионовские артиллеристы, – пли! – и ровная линия французской пехоты, послушно валилась наземь. А их, еще минуту назад безупречные мундиры, превращались в рваные ошметки. Новая линия в безупречных мундирах перешагивала через убитых однополчан и так же послушно падала после залпа картечи.

То, что флеши не взяты, стало понятно, когда с Шевардинского кургана увидели шатающихся, вразнобой выходящих из дыма французских солдат. Те же, кто остался лежать в овраге, были больше не заколоты или зарублены, а убиты картечью или осколками гранат, Впрочем, тоже было и на

флешах – защитников убивали осколки прилетавших французских ядер. До лихого рукопашного боя если и доходило, то в любую минуту влетевшее ядро, как опытный рефери, разбрасывало бойцов в стороны.

– От, чертяки, как летают! – то и дело приговаривали артиллеристы и пехота, что защищали флешы, – этак и саблю из ножен за весь бой не вынешь!

К полудню, осколком ядра, смертельно был ранен сам князь Багратион, с самой первой французской атаки не покидавший флешей и руководивший обороной.

Та же артиллерийская картина вырисовывалась и на батарее Раевского – всё решали не штыки, а пушки. И всё тоже – у деревни Бородино, где через речку Колочь наступали полки итальянского вице-короля. Мост был почти сразу разбит ядрами и командовали сражением всё те же пушки.

Всё сражение свелось к одной передовой линии – от Семёновских флешей через батарею Раевского и до деревни Бородино. Вся французская и русская пехота, и кавалерия расшибались с обеих сторон о ядра и картечь. А ядра – французские – упрямо, точно других целей у них не было, били по русским крепостям, русская же картечь, конечно, отвечала взаимностью – и была по наступающим французам. И такая смертельная игра длилась вот уже восьмой час. Если французам удавалось занять флешы или батарею Раевского, адъютанты не успевали донести до Наполеона радостную весть, как русские отбивали флешы и батарею обратно. Та же

неопределенность царила и в Горках. Потому главнокомандующий, светлейший князь Кутузов, выбрал вполне здравую позицию: сражение выиграно, осталось только дожидаться следующего дня и добить французов. А пока передовая линия держится – держать ее и дальше, пока француз лоб себе об нее окончательно не разобьет.

Время давно перевалило за полдень. Семёновские флешы, еще утром похожие на новенькие обмазанные глиной домики с окошками-бойницами для пушек, теперь больше походили на изрытую луну, что ночью освещала передовую линию. Рыжий гренадер, что еще вчера так умилялся пробуждению Дениски, уже дважды раненый, злой и ошалелый от всего этого грохота, нес последний ящик с картечью – удивительно, как вообще ее хватило на эти бесконечные восемь часов обороны! Взвалив ящик на плечи, гренадер чуть не уронил его... Лисёнок!

– Быть того не может! – гренадер встал как вкопанный. Да, перед ним, все с той же котомкой с подарками, стоял Дениска. Чумазый от гари и грязи, но живой. – Ранен?! – первое, что сделал гренадер, это схватил Дениску и рассмотрел его чуть ли не со всех сторон. – Слава Богу! Цел! – убедившись, он в сердцах обнял Лисёнка, и только тогда вспомнил про брошенный ящик. – Стой здесь, – махнул, – а, ладно, здесь везде смерть. Пошли, – завалив одной рукой ящик с картечью на плечо, другой взяв Дениску за руку, привычно скло-

нившись, как склоняются от постоянно пролетающих ядер и пуль, зашагал к пушке, где ждали картечи. Навстречу четверо из ополчения пронесли раненого на носилках – москвичи-добровольцы, кто выносил с флешей (как, впрочем, и с батареи Раевского и со всего поля) раненых солдат в тыл. Часто ядра разрывали самих ополченцев и тогда другие ополченцы уже выносили своих земляков. Всех раненых свозили на подводах в Можайск, где к вечеру их набралось уже более десяти тысяч. Скоро узнав, куда свозят раненых, те, кто в силах был идти, шли в Можайск. Из Можайска всех должны были после сражения, вместе со всей армией отправить в Москву – так говорили солдаты по всем редутам и корпусам. И говорили, что французов почти побили, а добьют завтра, на рассвете. И это особенно радовало защитников поля – делов-то еще полдня продержаться, а после ночи, всеми силами враз добить французов.

– Мы их завтра... того... побьем этих насекомых. Картечь есть? – артиллерист злой от драки, от отсутствия картечи, от французов, что как тараканы – их бьешь, а они всё откуда-то лезут – целил пустую пушку на группу французской пехоты, что линией приближалась к флешам – какая это уже была по счету линия – никто не считал. Бой шел десятый час.

– Держи! – рыжий гренадер поставил перед пушкой последний ящик с картечью.

– Ой, ты мой дорогой! – артиллерист аж причмокнув, стал вскрывать ящик. Больше никого кроме него у пушки не бы-

ло – живых не было. А мертвые были (мертвых ополченцы не выносили, раненых – не успевали). Мертвые же, кого, где осколок или пуля достала, тот там и остался – как застывшее подтверждение этому безумию под названием война.

– О! Лисёнок! – заметив Дениску, заряжая картечью пушку, сказал артиллерист так, точно Дениска только на минутку отлучился и появился – никакого удивления, ему бы успеть залп дать, пока французы не подошли ближе, чем ему надо. – А у нас тут, понимаешь, такой коленкор, что хоть мазурку пляши, хоть гопака. Та-ак... – он поднес зажженный фитиль. Грохот, и французы послушно повалилась на землю. – От молодцы! – похвалил их артиллерист. Дениска сразу узнал его, это он ему свистульку бросил, и похвалил, что Дениска ловкий.

Там внизу оврага сотни французских и русских тел, разбросанные картечью и ядрами, лежали точно поломанные куклы на свалке. Наполеон бросил на передовую линию почти всю свою армию, не тронув лишь старую гвардию. И если утром линии наступали и атаквали ровно и бодро, то сейчас – лишь разрозненные группы, воровато пытались подойти к огрызающимся картечью флешам, как и овраг заваленных, как русскими, так и французскими телами. И взяты были флешы и отбиты были, и вот опять их пытались взять – но уже без утреннего бравого напора. А как отчаянные смертники, у которых ни выбора не было, ни желания, а один безумный приказ безумного императора.

Вновь, как тени, появились ополченцы с носилками, и ходили по флешам проверяя, есть ли еще, кого можно спасти.

– Ты откуда взялся! – не выдержав, рыжий гренадер тряханул Дениску за плечи. – Ты как вообще попал сюда? Тебя же в тыл отвезли, я ж сам видел.

А что мог ответить Дениска? Он и сам не знал, как он сюда добрался. Весь этот день пронесся перед ним каким-то разноцветным клубком, играючи перепутанным бестолковым котенком, когда клубок выпал из ладоней, уснувшей бабушки.

Дениска помнил, как бежал от бабы, как смеялись в след ему штабные офицеры. Помнил, как забежал в лесок и баба от него отстала. Помнил, как уснул под какой-то корягой. Как проснулся от сумасшедшего стука копыт тысяч лошадей. И страшного грохота, сразу точно опрокинувшего его обратно в Шевардино в сарай и под лавку. Он так и подумал, что он всё еще под лавкой. Сообразил, что в лесу – когда мимо прошли солдаты. Солдаты были наши, русские, но Дениска и того уже испугался. И решил, что надо идти домой, в Шевардино, может там и мамка вернулась, и вообще... Куда еще было идти? И он пошел.

Как ни страшно было выходить на поле, но из леска пришлось выйти. Котомку Дениска перекинул через плечо и пошел, куда глаза его глядели. Когда проходил сквозь артиллерийские резервы, что были поставлены у деревни Псареве, Дениска решил, что это и есть флеша.

– А тебе туда зачем? – услышав вопрос мальчонки, отвечал лениво какой-то артиллерист, – там сейчас бой. Иди как ты лучше домой.

– Так я и иду домой, – вздохнул Дениска.

– Ну, иди, – еще ленивее отвечал артиллерист, точно был он не на войне, а возле своего дома. И Дениска пошел. И мимо него постоянно кто-то куда-то шел. Колонны пехоты, конные группы. Одинокие адъютанты, телеги с ранеными, просто пустые телеги, просто одинокие солдаты – как на большой ярмарочной дороге, где кто с ярмарки с покупками, кто на ярмарку за покупками, а кто пустой и пьяный или обворованный – так всё это видел Дениска. А на него и внимания не обращали. Где-то там шло сражение, оно было слышно и хорошо слышно. Но здесь в псаревских оврагах никого, казалось, это не волновало. Солдаты, которых встречал Дениска, выглядели какими-то задумчивыми, даже какими-то отрешенными – каким бывает человек, когда ждет своего часа. И пока этот час не настал, человек старается думать о чем угодно, только не об этом часе.

Дениска, перепрыгивал ручьи, перешел какую-то речку, то поднимался из оврага, то спускался в овраг, и всё везде было одно и то же – люди, кони, и несмолкаемый грохот пушек, и далекие крики «Ура!». Где-то к полудню Дениска вышел к речке Колочь, и решил идти вдоль ее пологого заросшего берега – всё не так страшно – Дениску все-таки пугали скакавшие туда-сюда всадники, а у реки было как-то поспо-

койнее.

Но тут у Дениски душа буквально в пятки ушла.

Лавина, сверкавшая металлом кирас и палашей, улюлюкающая и кричащая, неслась прямо на него, на маленького мальчика. Только и сделал Дениска, что враз калачиком свернулся и так и замер. Кавалерия проскакала, чудом не втоптав этот еле дышащий калачик в землю, и исчезла. Только спины всадников и лошадиные зады успел на мгновение увидеть Дениска, когда развернувшись, глянул им вслед. Это была атака кавалерии Уварова и казаков Платова. Атака никого не прогнавшая, не опрокинувшая, но зато страшно напугавшая не только маленького Дениску, но и самого французского императора. После этой сумасшедшей атаки Наполеон запретил своей старой гвардии вступать в сражение. Эта атака заставила

Наполеона перебросить часть армии от Семёновских флешей и батарей Раевского к деревне Бородино – куда и ворвались уваровские и платовские конники – в самый французский тыл. Ворвались, наделали шума, потеряли несколько сотен улан и казаков, порубили несколько сотен итальянских и французских солдат, и так же неожиданно скрылись, как и появились. Не видел еще французский солдат таких пугающе-стремительных атак. Чего им было надо?! Зачем?! Чего они налетели и улетели? Разве это война по правилам? Разве так принято устраивать конные сражения? Где построение и запланированная доблестная сшибка, где благородная

рубка? Что это вообще было?! Но уваровцы и платовцы своим «бессмысленным» наскоком, дали вздохнуть и отдышаться защитникам флешей и батарей. На два часа – не меньше – французы оставили их в покое, пока перебрасывали войска к Бородино, думая, что сам Кутузов со всей Россией на них навалился. В этот промежуток Дениска и дошел до Семёновских флешей. А пока он шел, и на флешах и на батарее уносили раненых, приходили свежие резервы, осматривали и чинили пушки, считали и подносили ящики с ядрами и картечью. Люди, русские люди, эти два спокойных часа, пока у Бородино веселились казаки, отдыхали и приходили в себя, восстанавливали силы, готовились к новым атакам. Словом, воздуху дали глотнуть уваровские уланы и гусары, и платовские казаки защитникам передовой линии – свежего воздуху. Еще бы немного ядер и картечи. Вот чего совсем не хватало защитникам. И людей бы еще побольше. А то сильно опустели флеша и батарея, много было убитых, но те, кто был жив, стояли так, что пугали атакующих французов, точно против бессмертных шли они своими разбитыми линиями в атаку. Но особенно, что удивляло французов, что русские в плен не сдавались.

– Не сдаются русские в плен, – докладывали французские генералы своему императору. – Не можем мы вам показать здоровых пленных, все пленные раненые и полуживые, да и те молчат или смеются. Не боятся они нашей армии.

– Хорош, братцы! – на флешу, прямо на коне заскочил молоденький адъютантик, – приказ оставлять позиции, и отступать в тыл. Завтра добьем французов. А сейчас – приказ главнокомандующего: всем защитникам оставить свои позиции и отступать. Ясно я сказал, братцы?

– Куда яснее, – отвечал рыжий grenadier.

– Завтра, так завтра, – всё вглядываясь в сумеречный дым, что застилал врага, согласился и артиллерист. И все трое: артиллерист, grenadier и Дениска, осмотрели позицию. Убедившись, что не было ни живых, ни раненых, артиллерист и grenadier, закрывая собою маленького Дениску (пули-то еще нет-нет, да пролетали) спустились с тыловой части флешей и, как и многие защитники, малыми ручейками соединявшиеся в один поток, вместе со всеми зашагали в сторону Горок – к ставке главнокомандующего.

Там, у последнего рубежа, было решено перегруппировать оставшуюся армию, и на рассвете контратаковать французов.

Когда флеша и батарея опустели, когда французы наконец-то полностью заняли передовую русскую линию, когда императору было доложено об окончательной победе, первый вопрос, который был задан императором, был все тот же вопрос о пленных.

– Я не могу понять! – яростно кричал Наполеон своим генералам, – каким образом редуты и позиции, захваченные с

такой отвагой, которые мы так упорно защищали от русских контратак, дали нам так мало пленных? Какой это успех – без пленных и трофеев? Где русские знамена, я вас спрашиваю! 12 орудий! – это всё, что вы смогли взять у русских? – Наполеон был в гневе.

Да, перед ним было всё Бородинское поле, со всеми флешами и редутами, но ничего живого не осталось на поле. Тысячи и тысячи мертвых тел покрывали поле – единственный трофей, что смог получить Наполеон от своей победы.

– А-а, Лисёнок! – Кутузов, что обходил в этот вечер свою армию, заметил Дениску, что приткнувшись к рыжему гренадеру, почти уже засыпал. – Ат, сорванец, удрал-таки от Нюрки! Но, ничего, я ей за это всыплю.

– Не надо, – отмахнулся Дениска, – а-то она еще мамке моей пожалуется, а мамка у меня такая, что с ней даже папка боится спорить.

– Вот, как! – и Кутузов, привычно по-стариковски побрях-тывая, засмеялся. – Ну, тогда пошли со мной.

– Пороть будете? – вздохнул Дениска.

– Накормить тебя надо, героя, – отвечал главнокомандующий. А то завтра как французов бить-то будешь? Да, гранату-то тебе дали?

– Не-а, – мотнул головой Дениска, – кончились гранаты. Последнюю картечь израсходовали, – неожиданно по-взрослому отвечал он главнокомандующему.

– Да-а, – уже задумчиво произнес Кутузов, и уже рыжему гренадеру, который хоть и вытянувшись во фронт перед главнокомандующим, невольно прижимал к себе сонного Дениску, – тебя как зовут-то, голубчик? – гренадер отпартовал по форме. – Пошли, – поманил Кутузов, – будешь ему сегодня дядькой: отмоешь, накормишь. И себя в порядок приведи. А то ты какой-то... вон и мундир изорван, и вообще... Ранен? Вижу, что ранен. Пошли. – Кутузов приказал одному из штабных офицеров проводить гренадера и Дениску в избу, а сам продолжил свой осмотр своей поредевшей армии.

К вечеру Кутузов вернулся из Горок в Татариново. А к полуночи (убедившись, что контратаковать нечем) отдал приказ отводить армию за Можайск. А спустя неделю, на общем генеральском совете в Филях, было решено оставить Москву без боя.

– С потерей Москвы ещё не потеряна Россия, – такими словами Кутузова была поставлена точка в споре генералов – дать еще одно сражение Наполеону, или отдать французам

Москву. – Сбережем армию – сбережем Россию.

Ночью, пройдя через Москву, русская армия вышла на старую Калужскую дорогу, оттуда – на новую Калужскую.

Всё это было проведено скрытно, и разведка Наполеона потеряла армию Кутузова.

Да, Москва была отдана французу. Да, француз поглумился над древней русской столицей. Одно то, что в кремлевских храмах французские кавалеристы устроили конюшни для своих коней – одного этого было уже достаточно. Но поглотила Москва французскую армию, по невидимой Чьей-то воле, лишив европейцев разума, превратив их в человекоподобных животных. И вымела, как выметают сор из избы.

Бежав из Москвы, французы больше не искали боя (за всю кампанию 1812 года Бородинское сражение стало единственным крупным сражением), они бежали домой – в Европу. Бежали по пустой и голодной старой Смоленской дороге, которая и привела их когда-то в Город на Семи холмах. Бежали, бросая и оставляя, всё, что награбили, бежали, подгоняемые озлобленными мужичками с вилами и топорами и летучими партизанскими отрядами доблестного Дениса Давыдова. Бежали, как бежит обезумевший от ран зверь, которого ко всем его ранам, еще и на пасеку занесло. И сотни, тысячи озлобленных пчел из поваленных зверем ульев, преследовали зверя и вонзали в его раны свои острые жала. Но не смотря на приказы из Северной столицы, Кутузов не бро-

сился добивать зверя, как того требовал сам Российский император Александр I, а лишь шел за зверем, как идет охотник, и ждал когда зверь сам издохнет. Несмотря на все лишения, армия Наполеона была еще в силе, причем в злой и отчаянной силе. И Кутузов не видел смысла жертвовать своими солдатами, ради одной императорской славы. Достаточно было идти следом и не давать зверю отдыха – пусть бежит. Холод, голод, партизанские сабли и вилы сделают свое дело. Да, это будет не так эффектно в глазах просвещенной Европы, но не эффекта и фанфар добивался русский главнокомандующий. Выгнать зверя, выгнать без дальнейших для русской армии потерь. А там, пусть себе бежит в свою Францию, где ничего хорошего его не ждало. Что и произошло спустя всего лишь несколько лет: Европа не любила неудачи, и неудачников, а Наполеон явно потерпел неудачу. Свою жизнь великий император закончил в заточении на острове Св. Елены. И трех лет не прошло, после Бородинского сражения, как Наполеона, уже убегающего в Америку, поймали-таки англичане. И 17-го октября 1815 года высадили на острове в Атлантическом океане, где он и умер, не прожив и пяти лет в своей тюрьме, окруженной океаном.

Но сейчас, в декабре 1812-го, Наполеон торопился в Европу – быстрее из России. Александр I требовал от Кутузова решительно догнать Наполеона и разбить на виду у всей Европы, а лучше – пленить, тем доказав величие российского престола. Кутузов, не зря прозванный Старым лисом Севе-

ра, делал всё, чтобы и русскому императору угодить, и в сражение не вступать, и Наполеона поскорее из России выгнать. Михаил Илларионович прекрасно понимал, что победа над Наполеоном принесет славу не одной России, но и укрепит Англию. А вот Англию светлейший князь считал врагом куда посерьезнее, чем убегающий и униженный Наполеон (это поняли, но с опозданием, когда Англия напала на русский Севастополь вместе с французами и турками в 1856-м). Кутузов понимал это, потому и делал всё, чтобы Наполеон только из России ушел, а там он пусть в Европе дальше с англичанами воюет. Но Александру I нужна была немедленная общеевропейская слава. Потому было категорически приказано: Наполеона догнать и пленить. Кутузов согласился, но сделал всё, чтобы Наполеон ушел не плененным. И битва при Березине прошла без Кутузова. Потеряв 50 тысяч солдат, Наполеон с жалкими девятью тысячами (в Россию он вошел во главе 150-тысячной армией), пересек-таки русскую границу. И далее, уже сам Александр I Благословенный, вошел в Европу, и в ослепительной славе занял Париж. Победителем Наполеона и освободителем Европы назван был российский император. А Наполеон достался англичанам.

Кутузов, ничего этого не увидел, великий полководец скончался от болезни 16 апреля 1813 года.

Но пока на дворе стоял сентябрь 1812-го, и русская армия тайно ночью проходила через Москву.

Дениска проснулся в чистой постельке. Комната была незнакома. Он поднялся на кровати, осмотрелся. Рядом стояло кресло, а в кресле спала...

– Мамка! – обрадовался Дениска. – Мамка! – прыгнув, он обхватил мамкины колени. – Прости меня, я больше никогда-никогда сметану воровать не буду! А мне такой сон страшный приснился. Что я на войне, что на флешах. А французы наступают... А где мы?

– Тише-тише, – мать, обняла его. – Тише, спят еще все. В Москве мы сыночек, в Москве. А ты еще поспи. Потом поговорим. И по-женски не сдержавшись, зарыдала – тихо-тихо, и Дениску крепко-крепко к себе прижала.

Ночью, когда армия Кутузова шла по улицам Москвы, когда рыжий гренадер нес на руках спящего Дениску, его вдруг за руку схватил кто-то. Он оглянулся – баба.

– Это же мой Дениска! – даже не в радости, а в каком-то радостном ужасе потеряв голос, прошептала она. Не поблагодарив, вообще ничего не сказав, не взглянув на рыжего гренадера, она приняла из его рук в свои спящего сына, и сразу унесла в большой барский дом, возле которого стояла и смотрела на проходивших мимо солдат, и на руках одного солдата и увидела своего Дениску.

– Вот, баба, – усмехнулся вслед ей гренадер, – хоть бы спасибо сказала, – постояв с минуту, посмотрев на дом, куда унесли их Лисёнка, пошел дальше, куда шли все его товарищи – куда вел их светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов.

– Ах, ты, – вдруг расстроился гренадер, – в руках его оста-

лась котомка с подарками, что всё это время была с Дениской, и которую нес гренадер, пока Дениска спал на его руках. – Да, уж ладно, – он аккуратно поставил котомку на какую-то скамейку. – Всё, слава Богу. Дай-ка табачку, брат, – он хлопнул по плечу, какого-то солдата, что шел рядом и курил трубочку, тот отсыпал товарищу табаку, и уже молча, гренадер зашагал со всеми, на шаг забивая трубку турецким горьким табачком.